

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44
К43

Robin Kirman
THE END OF GETTING LOST

Серия «Новый мировой триллер»

Печатается с разрешения *Simon & Schuster Inc.*
и литературного агентства *Andrew Nurnberg*

Перевод с английского *Клемешова Александра*

Оформление обложки *Воробьева Александра*

Кирман, Робин.

К43 Конец заблуждениям: [роман] / Робин Кирман; – [перевод с английского Клемешова Александра]. – Москва: Издательство АСТ, 2024. – 320 с. – (Новый мировой триллер).

ISBN 978-5-17-152005-2

Единственный смысл жизни – следовать своей страсти.

Джина и Дункан, молодая семейная пара, совершенно счастливы: он – талантливый композитор, недавно получивший крупный заказ, она – многообещающая танцовщица, грезящая Нью-Йорком. Вот только есть одно «но»: недавно с Джиной произошел несчастный случай и последний год жизни полностью стерся из ее памяти.

Она не понимает, почему отец не отвечает на звонки. Куда пропала лучшая подруга? Что за незнакомец пытается с ней связаться? В конце концов, она начинает сомневаться, так ли хорошо она знает своего мужа?

Пока Джина теряется в сомнениях, подозрения Дункана тоже начинают расти. На его автоответчик приходит пугающее сообщение. Кто-то знает о происходящем больше, чем он сам.

Рано или поздно заблуждениям настанет конец – и откроется ужасная правда.

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-152005-2

© 2022 by Robin Kirman
© Клемешов А.А., перевод, 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2024

Посвящается Эммануэль

Глава первая

Джина

Озеро Валензе, июнь 1996 года

В те времена, когда еще не существовало десятков способов связаться с человеком из любого уголка мира, а надолго покидая свой дом, приходилось прощаться с привычным порядком вещей, затеряться в мире было проще простого. Тогда только письма и открытки неспешно следовали за молодой парой, путешествующей по Европе, и двое влюбленных имели возможность отвлечься от серой реальности и уйти с головой в мир своих грез.

В июне 1996 года Джина и Дункан прибыли на озеро Валензе. Оно находилось менее чем в часе езды от клиники под Цюрихом, где Джина провела последние две недели, чтобы оправиться от травмы головы, полученной при неудачном падении в Берлине. Случай оказался не из легких, требовалась реабилитация, но теперь, когда Джина была способна обходиться без врачей и медсестер, они с Дунканом сбежали в этот укромный уголок Швейцарии. Пейзаж вокруг озера Валензе показался ей самым красивым и безмятежным из всех, что она когда-либо видела: белые домики с красными крышами в не-

больших деревеньках, пышные поля диких цветов, а за спокойной голубой водой — зеленые горы, увенчанные молочными облаками. Они провели три дня в маленьком гостевом доме, совершая пешие и велосипедные прогулки по округе или катаясь на лодке. Дункан обычно не плавал — озеро было холодным, — однако Джина любила поплескаться в те часы, когда солнце стояло высоко. Она уставала уже после нескольких кругов и с наступлением сумерек выходила из воды и одевалась, зайдя в домик. Затем парочка переносила стулья на поросший травой берег, чтобы полюбоваться небом и озером, освещенным розовато-золотыми лучами заката.

В течение этого часа Дункан — композитор классической музыки — слушал в наушниках музыку на своем «Дискмане», а сидевшая рядом Джина читала роман Фицджеральда «Ночь нежна», который он купил ей в подарок на прошлой неделе. Если бы Дункан случайно не узнал, что в сюжете фигурирует цюрихская клиника, то считал бы, что это роман об очаровательной американской паре, путешествующей по Европе. В тот день, когда Дункан вручил Джине книгу, присутствующий при этом врач упомянул про швейцарский санаторий из нее, и Джина была вынуждена рассказать мужу, что это не особенно веселая история, что жена главного героя романа душевнобольная.

— О боже, тогда забудь об этой книге! — умолял Дункан, но Джина ясно дала понять, что сюжет ее совершенно не расстраивает. Напротив, ее успокаивало возвращение к роману, который она читала раньше и помнила лучше, чем недавние события собственной жизни.

Конец заблуждениям

В последние недели она часто ощущала себя немного сумасшедшей, хотя врачи в больнице Западного Берлина и в цюрихской клинике настаивали, что пережитое ею — исключительно физическая травма. Ей диагностировали сотрясение мозга и внутричерепной отек, однако никто не мог предсказать, как быстро она восстановится. При этом все были единодушны во мнении, что ей повезло. Зрение и слух не пострадали, отсутствовали проблемы в речи и афазия. Ее ум оставался острым, рассуждения — здоровыми, а настроение — стабильным. Приступы головокружения прошли, равновесие и координация движений полностью восстановились, и всего через две недели после травмы Джина совершала пробежки по швейцарским лесам.

И лишь ее памяти был нанесен серьезный урон. Она ничего не могла вспомнить ни о самом несчастном случае, ни о месяцах, предшествовавших поездке. Были и вещи, о которых она даже не подозревала, пока Дункан не упоминал о них: ее танцевальные выступления в этом году или отъезд из Нью-Йорка двоих близких друзей.

В то же время она вспомнила много такого, о чем давно забыла, словно ее разум встряхнулся во время удара и то, что было похоронено в глубине сознания, снова поднялось наверх: сцены из детства, например поездка с родителями в Италию, когда ее мать была еще здорова. Джина отчетливо видела ее — в белом платье, идущей босиком по пляжу, с темными кудрями до плеч, с широкой светлой, как белый песок, улыбкой — и с болью осознавала, что сейчас сама выглядит именно так.

Оказавшись перед лицом смерти, Джина почувствовала бóльшую связь с покойной матерью и очень сблизилась с Дунканом, который после несчастного случая

почти не покидал ее, чтобы убедиться, что жене предоставлен наилучший уход. Не впечатленный уровнем медицины в Берлине, куда Джина была госпитализирована сразу после падения, он предложил перевести ее в клинику недалеко от Цюриха, в которой практиковались более совершенные методы физической реабилитации. Джина была танцовщицей, и Дункан, сообщив об этом врачу, настаивал, что ей требуется особое лечение.

Цюрихская клиника была оборудована по последнему слову техники, и во время своего пребывания там Джина часто задумывалась, каким образом все это будет оплачиваться. У нее было большое наследство, доставшееся от матери, но Дункан категорически отказывался прикасаться к нему и требовал, чтобы она хранила деньги на отдельном счете. Он предпочитал жить скромно на то, что они зарабатывали, но на лечение средств не жалел.

— Я бы заплатил любую сумму, чтобы ты стала такой, как прежде.

Тогда-то Джина поняла, насколько Дункана ужаснула перспектива потерять ее. В некотором смысле этот несчастный случай напугал его гораздо больше, чем ее саму.

Однажды она попросила его описать тот злополучный день: они пробыли в Берлине почти неделю, когда Джина решила отправиться на раннюю прогулку по городу. Дункан присоединился бы к ней, но в то утро на него снизошло музыкальное вдохновение, и он хотел перенести мелодию на бумагу. Пока Дункан работал, утро сменилось полуднем, а Джина так и не вернулась. Он уже начал нервничать, когда в его комнате зазвонил телефон. Это был администратор отеля с сообщением из местной больницы о том, что с Джиной произошел несчастный случай.

Дункан помчался по указанному ему адресу: в больницу Шарите на Луизенштрассе. Лечащий врач Джини рассказал ему о случившемся: оказалось, ее нашли на строительной площадке на Потсдамской площади. Похоже, она пошла осматривать одну из закрытых секций, по пути поскользнулась и ударилась головой о кусок трубы. Туристы обнаружили ее без сознания и вызвали «Скорую помощь». В кармане у Джини оказался ключ от отеля с номером комнаты, благодаря которому ее опознали и связались с Дунканом. Тогда прогнозы были неопределенными, врачи не знали, в каком состоянии она будет, когда очнется.

— Я думал, что потерял тебя, — рассказывал Дункан. — В ту ночь в больнице я словно прожил жизнь без тебя, словно тебя не стало.

В моменты, когда Джина ловила на себе его взгляд, она понимала, что это правда — он, казалось, не верил, что она реальна, словно она могла исчезнуть в любую секунду.

— Я все еще здесь, — поддразнивала она его, ободряюще улыбаясь, при этом тщательно скрывая собственные мысли: конечно, физически она была тут, но какую часть себя она потеряла?

Она просила Дункана напомнить обо всех крупных событиях последнего года, однако он утверждал, что ее жизнь практически не изменилась. Она продолжала танцевать с той же экспериментальной труппой, а Дункан продолжал играть на пианино, аккомпанируя номерам. Они творили вместе: Дункан сочинял музыку, а Джина ставила под нее танцы. Единственное, что изменилось, — Дункан получил свой первый значительный заказ, который позволил им совершить это путешествие — их

запоздалый медовый месяц. Они поженились больше года назад и стали первыми в кругу своих молодых друзей, кто сделал это. Но до сих пор не смогли найти ни времени, ни средств для такого беззаботного путешествия. Наконец все удалось, и теперь они находились здесь.

Их поездка, по словам Дункана, должна была занять все лето: начаться в Берлине, затем продолжиться на западе Европы. Они планировали отправиться либо в Мюнхен, либо в Вену, но передумали в тот день, когда Джину выписали из клиники Цюриха. Они сидели в кафе, и она заметила газету «Интернэшнл Геральд Трибьюн», оставленную на столе. Америка готовилась к осенним выборам: Клинтон против Доула. В России тоже проходили первые президентские выборы, и Борис Ельцин боролся за сохранение власти. Той же весной боснийские военные преступники предстали перед судом ООН; в результате взрыва, устроенного ИРА* в Манчестере, пострадали двести человек, а в Америке был задержан и осужден террорист, прозванный Унабомбер, которым оказался некто по имени Тед Качинский**. Пока Джина читала, ее сердце бешено колотилось от осознания, что она столько всего пропустила, что ничего не знала об огромном количестве происходящих в мире событий. Вскоре после этого они договорились остановиться на озере Валензе — в месте, где никто чужой не мог слишком внезапно пробудить ее воспоминания, не считая хозяйки, которая приходила, чтобы поставить свежие нарциссы в их комнату. В месте, где было легко

* Ирландская республиканская армия.

** Американский математик, социальный критик, террорист, известный своей кампанией по рассылке бомб почтой.

Конец заблуждениям

забыть об огромном сложном мире, а значит, и о том, что забыла она.

Теперь, в четвертый и последний день здесь, они с Дунканом планировали взять напрокат машину хозяйки, дабы посетить хребет Курфирстен и дойти до Паксмалья — знаменитого памятника мира.

Сразу после завтрака пара поехала к подножию горы, чтобы начать долгий крутой подъем. Путь наверх был трудным, и Джина поймала себя на мыслях о человеке, который сотни раз в одиночку проделывал этот путь, чтобы построить памятник: прямоугольное каменное здание с широкими колоннами, бассейн перед ним, отражающий свет, и по обе стороны от него — каменные стены, украшенные мозаикой. Согласно путеводителю, вся эта работа была выполнена одним художником и стоила ему двадцати пяти лет изнурительных усилий. История одинокого человека, воплощающего свою идею, тронула Джину. Она обняла Дункана и крепко прижалась к нему. Она всегда стремилась к жизни творца, страшась одиночества, порой присущего этой профессии. Какое счастье, что у нее есть Дункан! Ее муж — человек, которого она любит, и композитор, с которым может творить, делаясь прекрасным.

* * *

Спускаться с горы оказалось куда проще, но все же к тому времени, когда они с Дунканом вернулись в гостевой дом, чтобы пообедать, было больше двух часов. Повариха проявила недовольство из-за того, что ей пришлось так поздно подавать еду, и она не преминула на-

помнить им, что обычно к этому часу обед уже должен заканчиваться.

— Похоже, это не просто стереотип, — пробормотал Дункан себе под нос, — про швейцарцев и время.

В наказание женщина подала ту же еду, что и накануне: просто разогрела лосось с картофелем.

Пока Джина ковыряла рыхлый кусочек картофеля, Дункан отодвинул тарелку.

— К черту, у нас же есть машина. Давай съездим куда-нибудь и поедим по-настоящему.

После обеда они подошли к стойке регистрации и Дункан сообщил хозяйке пансиона, мисс Арнер, что на ужин их не будет.

— Думаю, мы с моей женой проведем вечер вне дома.

Моя жена. Это слово показалось Джине чужим; определения *жена* и *муж* они с Дунканом использовали только наедине, когда им не нужно было скрывать, насколько они важны для них, несмотря на архаичность.

Они вернулись в свою комнату, и Джина заметила, что солнце еще достаточно яркое, поэтому было бы неплохо поплескаться в озере. Дункан согласился, но осторожно зашел в воду только по пояс, в то время как Джина с визгом прыгнула и плавала кругами, пока хватало сил.

Когда она, дрожащая, вышла на берег, озаренный последними лучами солнца, Дункан уже ждал ее с полотенцем, в которое обернул и себя, и Джину, согревая ее своим теплом. Когда он заговорил, прижавшись грудью к обнаженной спине жены, его слова, казалось, вибрировали внутри нее:

— Мне кажется, я никогда не был так счастлив.

Конец заблуждениям

* * *

Около шести они начали собираться. Дункан насвистывал, облачаясь в желтый льняной костюм, который купил перед отъездом из Цюриха. Он не взял с собой много одежды, предпочитая путешествовать налегке, докупая по дороге все необходимое. Джина надела голубое платье, затем поискала шелковый мешочек, в котором лежали ее драгоценности.

Их было не слишком много: пара бриллиантовых сережек, которые она получила от бабушки с дедушкой на выпускной в средней школе, браслет, купленный во времена учебы в колледже, когда она отправилась в город со своей лучшей подругой Вайолет. Самым заветным сокровищем было кольцо, подаренное матерью, с желтым камнем — не драгоценным, но экзотическим: оно служило обручальным, пока Дункан не смог купить подходящее на те небольшие деньги, которые у них были. Джина заметила, что кольцо немного свободно сидит на пальце; очевидно, она слегка похудела из-за стресса, вызванного травмой.

Шаря в мешочке и поисках кольца матери, она обнаружила запутавшуюся цепочку. Это оказался серебряный браслет с турмалиновым камнем в центре. Вероятно, он был от ее отца или родственников из Санта-Фе, подумала она, но когда перевернула украшение, то заметила на обороте надпись: *«Моей любимой»*.

— Это ты мне подарил? — спросила она Дункана, задумавшись, что он слишком хорошо знает ее вкус, чтобы выбрать такую банальную вещицу.

Он положил браслет на ладонь и посмотрел на надпись.

— Это от твоей тети. Какая-то семейная реликвия.

Могла ли Джина забыть о таком? На мгновение она почувствовала неловкость из-за того, что была не в состоянии вспомнить, но приказала себе не заикливаться на подобных деталях. Так ли ей нужно знать историю каждого маленького предмета, находящегося в ее распоряжении, — бесчисленные крупицы информации, которые мы носим с собой и позволяем им каким-то беспорядочным и произвольным образом формировать наше представление о себе? Она обнаружила, что в забвении есть свобода, будто все эти крошечные наросты были слоями одежды, не позволяющими почувствовать воздух, ночь, жизнь, которая крутилась вокруг.

Джина смотрела на Дункана словно в первый раз, когда годы, прожитые вместе, стерлись, открыв то, что она на самом деле любила в нем: его мягкость, его ум, его тонкие черты и зеленые глаза, всегда немного рассеянный взгляд, точно он слушал про себя песню, которую только он и мог услышать.

Он развернулся, чтобы взять ее под руку, и она вышла в прохладный швейцарский вечер, под стрекот сверчков и плеск воды, а рядом с ней шел улыбающийся мужчина с мягким голосом, который любил ее с тех пор, как ей исполнилось девятнадцать.

* * *

Поездка в ресторан оказалась сложной. На темных и извилистых дорогах было трудно разглядеть указатели. Им с Дунканом пришлось дважды съезжать на обочину, чтобы свериться с картой, прежде чем они нашли простое каменное здание с рестораном в задней части. Поме-

Конец заблуждениям

щение с открытыми деревянными балками, красными скатертями и свечами было оформлено в деревенском стиле, но довольно элегантно. Дункан отодвинул стул для Джины, и, благодаря его, она чуть не назвала его неправильным именем.

— Грэм... — начала она и умолкла, озадаченная.

Прежде чем Джина успела сказать что-то еще, Дункан поспешил заговорить сам:

— Тут должны подавать классические швейцарские блюда.

— Не думаю, что знаю хоть одно.

— Ну, в путеводителе сказано, что обязательно надо попробовать «холеру».

— Это же название болезни?!

— Именно. — И Дункан рассказал ей о прочитанном: — Во время эпидемии люди боялись выходить из своих домов и пекли пироги из всего, что попадет под руку.

— «Запеканка отчаяния», — рассмеялась Джина и заметила, что Дункану приятно видеть, что она весела, несмотря на пережитый несчастный случай. Затем они принялись изучать меню, и Джина, увидев цены, забеспокоилась: — Дункан, это слишком дорого!

— Все нормально. Одна порция «холеры» нас не убьет.

— Я серьезно. То, как мы тратим... а у нас еще месяцы впереди...

— Все нормально, — настаивал он и потянулся к ее руке как раз в тот момент, когда подошел официант, чтобы налить им воды и описать фирменные блюда вечера. Джина пыталась слушать, отбросив свои опасения, хотя и не могла поверить, что Дункану, который порой

сочинял музыку бесплатно, вдруг заплатили достаточно, чтобы он мог все это себе позволить. Размышляя об этом, она заметила еще одно странное обстоятельство — незнакомый мужчина наблюдал за ней с другого конца комнаты. Она отвела взгляд, сосредоточившись на своем заказе, но и после того, как официант ушел, человек продолжал смотреть на нее. Это был коренастый мужчина с редеющими седыми волосами и розовым лицом.

Тем временем Дункан начал рассказывать об их маршруте:

— ...кроме того, позже летом он будет переполнен, что является еще одной причиной начать оттуда.

— Переполнен?

— Юг Франции.

— Прости, я прослушала, — призналась она и, наклонившись вперед, добавила более мягко: — Тот мужчина беспрерывно смотрит на меня. Мы его знаем? В углу, с седыми волосами.

Дункан повернулся на стуле, чтобы проверить, и Джина увидела, как наблюдатель опустил глаза.

— Никогда его не видел. Но он кажется безобидным.

Через мгновение мужчина снова уставился на нее, и Джина начала ерзать на стуле. Она редко появлялась на публике после несчастного случая, некоторые последствия травмы заставляли ее чувствовать себя неловко. Ей вдруг захотелось посмотреть на себя в зеркало, поэтому она встала и сказала Дункану, что пойдет поудрить носик.

В зеркале над раковиной она увидела женщину лет двадцати пяти, ее вьющиеся каштановые волосы были подстрижены короче, чем обычно. Такая прическа делала ее моложе. Ничто не указывало на полученную травму,